

Литература

1. Андреев Л. Г. Феномен Рембо // Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе. – М.: Радуга, 1988.
2. Бурукина О. А. Коннотация и значение: конец противостояния // Вестник МГЛУ. – М.: Изд-во МГЛУ, 2002. – С. 12–23.
3. Бурукина О. А. Первичность коннотации // Вестник МГЛУ. – М.: Изд-во МГЛУ, 2004. – С. 5–18.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972.
5. Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. – М.: Наука, 1982.
6. Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1988.
7. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. de Alain Rey. – Paris, Dictionnaires Le Robert, 1999.

Александрова О. В.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Современная языковая ситуация характеризуется деформацией сложившейся стилистической системы, размыванием границ литературного языка, колебанием его норм. В силу ряда исторических, экономических, политических, культурно-идеологических и других причин в речевую коммуникацию мощным потоком вливается масса речевых явлений, ранее традиционно функционировавших на периферии речевой коммуникации.

Огрубление речи выражается в увеличении употребительности *табуированной лексики*. В данной работе под *табуированной лексикой* понимается экспрессивная, оценочно-выразительная лексика, исторически возникшая как нарушение табу, к которой относятся вульгаризмы (просторечие – грубые слова или выражения, находящиеся за пределами литературной лексики), бранные выражения (ругательства), инвективы, мат (обценная лексика).

Актуальность данной работы состоит в том, что она лежит в русле исследования языка в его реальном функционировании в обществе, что свойственно современному взгляду на язык, а также определяется необходимостью систематизации и комплексного изучения прагматических возможностей табуированной лексики.

Объектом данного исследования является табуированная лексика. Предметом работы служат семантические, структурные и функциональные особенности данного слоя лексики.

Цель данного исследования состоит в изучении лингвистического аспекта табуированной лексики английского языка.

Табуированная лексика (т. е. вульгаризмы, бранные выражения (ругательства), инвективная лексика, мат (обценная лексика)) является языковой формацией, не представляющей систему и распространенной на лексико-фразеологическом уровне, она относится к нестандарту и противопоставляется лексическому фонду литературного языка.

Перед тем как приступить к рассмотрению особенностей функционирования табуированной лексики, необходимо определить, что именно понимают под словом *табу*, заимствованным из лексикона жителей одного из полинезийских островов, выявить причины появления самого понятия *табу*, а в последствии рассмотреть причину отнесения определенных референтов к табуированным для вербализованного обозначения и обладающим отрицательной коннотацией.

«Табу – у *первобытных народов*: религиозный запрет, налагаемый на какое-нибудь действие, слово, предмет; *сейчас (перен.)* вообще о чем-нибудь запретном [15, с. 683].

Подробная историческая справка содержится в определении *табу*, приведенном в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений»: «табу – (полинез.) – 1) у первобытных племен запреты, нарушение которых карается духами: нельзя произносить определенные слова; 2) слова и мнения, которые нельзя высказывать вслух; запрещенные предметы и действия» [14, с. 779]. Электронная энциклопедия Википедия предлагает следующее объяснение *табу* «социальный запрет, относящийся к любой области человеческой деятельности или социальной традиции, являющейся священной или запретной» или «запрет на совершение действия или использование предмета, являющегося священным, святым или наоборот опасным, нечистым или проклятым» [17, с. 779]. Таким образом табу предполагает не только запрет на само слово, но и на обозначаемое словом действие, предмет.

Основополагающими для дальнейшего исследования для нас будут являться определения приведенные в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений», в словаре Ожегова, а также дефиниция зафиксированная в Электронной Энциклопедии Википедия, поскольку акцент в них делается не только на слове, но и на действии и предмете. Т. е. присутствует разграничение между словами как таковым и употреблением слов с определенной прагматической целью. Зачастую семема, входящая в состав лексемы с абсолютно нейтральным значением, в контексте может быть отнесена к табуированным, на что прямо влияет коммуникативная ситуация, когда происходит так называемая «апликация» негативной эмотивной семы на семантику нейтральной лексемы» [10, с. 5]. Примером может послужить слово «*Faggot*», не обладающее отрицательной коннотацией в первоначальном значении («вязанка дров»), но являющееся в высшей мере оскорбительным, если употребляется по отношению к гомосексуалисту. Существительное «*broad*» не является оскорбительным, служа номинацией к «широкой части спины», когда же оно употреблено для номинации женщины, оно становится вульгарным, а следовательно табуированным.

Рассматривая феномен табу М. М. Маковский отмечает что, «в словах, как в сакральных формулах, издревле существовал целый ряд глубоко скрытых табуирующих элементов: обозначения животных, явлений природы, неба, определенные части человеческого тела, связанные с продолжением рода, имеющие непосредственную сакральную связь с высшими силами природы» [цит по: 6, с. 27].

Мат или обценная лексика (термин «обценный» (непристойный) заимствован из английского языка «*obscene*») являются табуированными не потому, что они обозначают священные, запретные действия или предметы, а потому, что «низводят последние до предмета ругани, издевки, проклятия» [9, с. 26], что приводит к

нарушению сакральной связи с высшими силами природы. Ф. М. Березин, Б. Н. Головин полагают, что «*табу* не является абсолютной универсалией, так как возникает в определенных условиях под воздействием различных социальных и культурных факторов» [1, с. 363]. Как указывалось выше, необходимо учитывать социальные факторы в определении характера табуированности того или иного явления, понятия, поскольку иногда то, что в одной культуре считается недопустимым, в другой с трудом бы сошло за инвективу: «В современную эпоху в суд в Великобритании или США скорее подадут из-за расистских высказываний, чем из-за оскорблений с сексуальным подтекстом» [цит. по: 2, с. 51]. Цель табу – запрета на употребление определенных слов, обусловленного социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами – исключить из употребления не понятие, которое остается необходимым обществу, а слово–название [12, с. 552]. Данное высказывание заслуживает особого внимания поскольку, как было отмечено, выше речь идет не о запрещении самого понятия, а слов или словосочетаний, в структуру лексического значения которых входит негативная эмоциональная сема, при помощи которой вещи или понятия, носящие священный для человека характер, оскверняются и презираются. То есть в табу речь идет об исключении из употребления *слов, использующихся не столько для обозначения предмета, сколько для выражения негативного отношения говорящего к адресату или самому предмету.*

Табуированная лексика – вульгаризм, брань (ругань), инвектива, мат (обценная лексика) – возникает как нарушение табу. Рассмотрим семантику термина «вульгаризм». Обозначение «вульгарный» воспринимается как «пошлый; тривиальный; простой, грубоватый, дурного вкуса» [13, с. 154]. *Вульгаризм* (от лат. *Vulgaris* – простонародный) определяется как «слово или выражение, свойственное фамильярной или грубой речи» [11, с. 92]. Схожее определение вульгаризма дает «Словарь-справочник лингвистических терминов»: «вульгаризм – грубое слово или выражение, находящееся за пределами литературной лексики» [16, с. 69]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «вульгаризм» трактуется как «вульгарное (т. е. пошлое, грубое, непристойное) слово или выражение, употребленное в литературном языке» [15, с. 93]. Данное толкование термина с нашей точки зрения недостаточно точно, так как противоречит предыдущим относительно сферы употребления, поскольку рассматривает вульгаризмы как вкрапления в литературном языке, в то время как в словарях Д. Э. Розенталя и О. С. Ахмановой сфера употребления вульгаризмов ограничена нестандартом.

Э. Н. Меркулова под вульгаризмами понимает нецензурные слова и выражения, оскорбительные слова, стоящие вне этических норм общества [7, с. 18].

Вульгаризмы характеризуются максимальной стилистической сниженностью и интенсивностью эмоциональной оценки. В представлении носителей языковой культуры вульгаризмы – это лексика, обладающая непристойной коннотацией. Непристойность следует понимать как несоответствие этическим и культурным нормам конкретного социума.

В качестве критерия для отнесения лексемы к вульгарному вокабуляру рассматривается перлокутивный эффект, который оказывает данная лексема на получателя речи, где под перлокутивным эффектом подразумевается «достижение цели речевого поступка, перлокутивный эффект удачного речевого акта «ссора» – это оскорбление адресата» [10, с. 11]. Здесь следует отметить, что перлокутивный эффект оскорбления не может считаться отличительным признаком вульгаризма, поскольку этот признак присущ и инвективе. Вульгаризм всегда рассматривается как грубость, однако, не всегда как оскорбление.

В сферу нашего внимания, кроме рассмотренных выше вульгаризмов, попадают такие слова, как брань, ругань, инвектива и следующая задачей данного исследования является определение и разграничение данных понятий, а также соотнесение их с табуированной лексикой.

В толковом словаре русского языка В. И. Даля *брань* рассматривается, во-первых, как действие, процесс: «ссора» и, во-вторых, как вербальное выражение недовольства: «ругня, ругательство; бранные слова» [13, с. 154].

Прилагательное *бранный* обозначает «связанный с выражением недовольства грубыми, ругательными словами» [11, с. 68]. Таким образом, мы считаем возможным рассматривать термины *брань* и *ругань* в качестве синонимов, употребляющихся как для обозначения *процесса* проявления недовольства, так и *собственно слова и выражения*, передающие недовольство; и термины *бранные выражения, ругательства* использовать синонимично.

Далее рассмотрим соотношение слов *бранный / инвективный*. Прилагательное *инвективный* – производное от существительного «инвектива», которое восходит к лат. *investiva oratio* (*бранная речь*) и означает «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад» [14, с. 335]. *Инвактивный* трактуется как «нецензурный, бранный, полный выпадов, резкий, обвинительный, гневный (о словах)» [там же].

Употребление инвективной лексики является способом создания, поддержания и усиления конфликта, поскольку «заключает в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо» [5, с. 68].

Таким образом, брань, в отличие от инвективы, может использоваться в качестве *интенсификатора*, для *выражения эмоций, не обязательно направленных на других*, в то время как целью употребления инвективной лексики является желание унижить и оскорбить адресата речи. То есть, употребляя инвективы, говорящий одновременно и обозначает человека с негативной чертой характера или способом поведения, и выражает свое негативное отношение к нему. Брань может иметь или не иметь инвективный характер, в то время, как оскорбить и унижить человека можно, не используя бранные слова (не все, что бранно инвективно и не все инвективное бранно). То есть в отличие от инвективной лексики в структуре бранной лексики не обязательно присутствует негативная *оценочная* сема, часто может наблюдаться лишь наличие негативной *эмотивной* семы, что объясняет функционирование бранной лексики не только в речевом акте «брань», но и в других речевых актах, которые не являются вербальной агрессией.

Обценная лексика – мат – характеризуется как «неприличная брань, определенный набор слов, употребление которых считается крайне непристойным» [17]. Мат, по определению «Словаря русского языка»

С. И. Ожегова, – это «неприличная брань» [15, с. 293]. Согласно определению М. Н. Эпштейна «Мат является тематико-стилистически-экспрессивной группой слов, с тематической отнесенностью к телесному низу, стилиевой отнесенностью к просторечной, вульгарной, непристойной, обценной лексике, экспрессивной отнесенностью к бранной, ругательной, проклинательной лексике» [9, с. 24]. Это дает нам право отнести обценную лексику («profane language») или в переводе на русский язык «мат») к ругательствам, бранной лексике, различие между которыми будет просматриваться в тематической отнесенности мата к так называемому «телесному низу» (частям тела, связанных с продолжением рода) и, как указывается в Википедии, «based on four basic profane roots – nouns *penis, whore, cunt* and verb *fuck*» [17].

В заключении, учитывая функциональную направленность всех элементов предложенной выше классификации табуированной лексики, мы предлагаем первоначально разделить ее на две группы: на «инвективную» лексику, целью употребления которой является намерение оскорбить, унизить адресата речи, и на «неинвективную», выполняющую роль интенсификаторов. В рамках же этих двух направлений отнести брань (ругательства), инвективы к «инвективной лексике», а вульгаризмы, мат (обценные выражения) к неинвективной лексике, поскольку вульгаризмы также как и «обценные выражения могут употребляться не в составе собственно ругательств» [4, с. 61]. Однако следует отметить, что такое разделение возможно лишь в процессе тщательной оценки эмотивного и оценочного компонентов, входящих в структуру коннотативного аспекта лексического значения слова и здесь может наблюдаться ситуация, когда классифицируемые элементы могут пересекаться и принимать как инвективный так и не инвективный характер. Поскольку «в зависимости от контекста соотношение когнитивного и прагматического может широко варьироваться, так или иначе влияя на оскорбительный потенциал выражения» [2, с. 43].

Литература

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
2. Бузаджи Д. М. Норма ненормативного // Журнал переводчиков «Мосты». – Вып. III. – М., 2006. – С. 43
3. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – С. 13
4. Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Русская лингвистика. – 1986. – № 10. – С. 61-72.
5. Леонтьев А. А., Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А. и др. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
6. Маковский М. М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев. Сущность–формы–развитие. – М.: Азбуковник, 2000. – 268 с.
7. Меркулова Э. Н. Прагматический аспект субколлоквиальных оценочных номинаций: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 1995. – 188 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С. 52.
9. Эпштейн М. Н. Репрезентация женского в языке. Корень ём- и его производные. 28с. <http://www.topos.ru/article/1729>
10. Голод О. Е. Особливості семантики та функціонування пейоративної лексики в сучасній німецькій мові: Автореф. дис. ... канд. філ. наук. – Львів, 2001. – 18 с.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
12. Варбот Ж. Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. – С. 552.
13. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. – М.: Эксмо-пресс, 2000. – 736 с.
14. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Харвест, М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 976 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 795 с.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М: Сов. Энциклопедия, 1976. – 540 с.
17. Wikipedia: <http://en.wikipedia.org>

Антонова О. В.

ПРОИЗНОШЕНИЕ ВОЗВРАТНОГО ПОСТФИКСА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к проблеме звукового оформления возвратного постфикса *-ся/-сь* в русском литературном языке на рубеже XIX-XX столетий, утверждали, что нормативным является его произношение с твердым согласным. Об этом писали Р. И. Аванесов, Ф. Е. Корш, М. В. Панов, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышев, Н. Я. Черных и многие другие. Также большинство исследователей придерживается мнения, что в течение XX века «твердый» вариант произношения в речи литературно говорящих москвичей сменился «мягким» почти во всех фонетических позициях. Однако подробный анализ различных источников позволяет усомниться в однозначности подобного суждения.

На рубеже XIX-XX вв. ученые единодушно признают, что господствующим как в сценической орфоэпии, так и в речи всех литературно говорящих людей было произношение возвратного постфикса с твердым [с], то есть произносили: *бою↔[с]* (*бою↔сь*), *гну↔[с]* (*гну↔сь*), *стремлю↔[с]* (*стремлю↔сь*) и *боя↔л[с↔]* (*боя↔лся*), *гну↔л[с↔]* (*гну↔лся*), *стреми↔л[с↔]* (*стреми↔лся*). В. И. Чернышев утверждает, что «окончания *сь, ся* в глаголах произносятся твердо: *вырати↔лся, жени↔лся, вырачу↔с, женю↔с* и т. п.» [10, с. 54], подкрепляя свои слова примерами из известных поэтов: А. С. Пушкина (*бьюсь–муз; союз–боюсь*), В. А. Жуковского (*началась–нас*), И. А. Крылова (*родясь–час; глаз–поднялась*)¹ [10, с. 54], а также собственной транскрипцией некоторых слов: *взду↔мылыс* (*взду↔малось*), *путьти↔лиса* (*пусти↔лися*), *тагздружы↔лиса* (так *сдружи↔лися*), *извѣсти↔лиса* (*известил↔лися*), *вырати↔лиса* (*воротил↔лися*), *аста↔лис* (*оста↔лиль*) [10, с. 101]. Ф. Е. Корш в начале XX века последовательно транскрибирует: *забу↔ду[с]*, *возвратя↔[с]*, *наглядя↔[с]*, *обвила↔[с]*; *запер[са↔]* [4: 74, 93, 94].

Однако у В. И. Чернышева есть и другое любопытное свидетельство: «Подобно этому, и в глаголах на *сь* (произносятся *с*) поэты, при обычных рифмах на *с* (*разлилась – у нас*), допускают изредка и рифмы на *сь*. Так, у Пушкина находим рифмы: *изумясь – князь, князь – томясь, князь – не шевелясь* («Руслан и Людмила», песнь пятая), *обвилась – князь* («Песнь о Вещем Олеге»). У Некрасова, тоже как исключение, находим: *возясь – грязь* (Сочинения, т. I, 8-е изд. 1902, стр. 458). И у Фета есть рифма *связь – стыдьясь* («О, этот сельский день»). У Майкова также: *таясь – князь* («У гроба Грозного»), *крестьясь – князь* («Суд предков») [10, с. 28]. Здесь необходимо отметить одну деталь: не обсуждая характер примеров, большинство из которых спорны, и об этом будет сказано ниже, нам важно убедиться, что ученый допускает возможность произношения возвратного